

Экофилософская концепция образования Марка Туллия Цицерона¹

Козловцева Е.А.

В одном из писем Марка Туллия Цицерона, адресованных Марку Порцию Катону (январь, 50 г. до н.э.), он так пишет о самом себе: «Если когда-нибудь был кто-либо, и по своей природе и, более того, как мне, по крайней мере, кажется, по образу мыслей и образованию далекий от стремления к пустой славе и пересудам черни, то это, конечно, я» (Cic. Fam., XV, 4)². Оставив в стороне скромность Цицерона, сосредоточимся на словосочетании «по своей природе», которое в разных контекстах встречается в его сочинениях, речах и письмах. Проблема сопоставления, соотношения и соединения природы человека и образования являлась одной из самых значимых для Цицерона проблем. В его сочинениях мысль о необходимости соотносить природу государственности, природу человека, природу права и природу общества во имя переосмысления природы образования подкреплена многочисленными обращениями к древнегреческим текстам и древнеримским реалиям.

Рассуждая о жизни человека, которая течет по законам природы в рамках государственных законов, Цицерон пишет о том, что неизбежность много в этой жизни — это вполне естественный процесс: «...каждому возрасту дано его время, так что слабость детей, пылкость юношей, строгость правил у людей зрелого возраста и умудренность старости представляются, так сказать, естественными чертами характера, которые надлежит приобретать в свое время» (Cic. Sen. IX.33)³. Цицерон указывает на странность стремления преодолеть неизбежное и утверждает значимость его принятия во имя

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Концепция воспитания культурой в педагогике Цицерона» № 16-06-00004

² Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.-Л.: АН СССР, 1950. — Т. II. (годы 51–46) — С. 67.

³ Цицерон. О старости // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М.: Наука, 1974. — С. 14.

сохранения самого себя в мире и мира в себе. Образование, которое проходит через все возраста человека, кажется ему ключом к сохранению такого рода. «Рвенье к наукам, которое у людей разумных и хорошо образованных с возрастом усиливается» кажется ему двигателем человеческой жизни (Cic. Tusc.V.XIV. 49)¹.

Впоследствии эта мысль Цицерона в расширенном или усеченном виде излагалась авторами разных исторических периодов, постепенно утрачивая привязку к исходным хронологическим и терминологическим координатам. Многочисленные размышления Цицерона о прошлом и настоящем древнеримского образования позволяют выдвигать почти бесконечное количество исследовательских гипотез. Одна из них заключается в том, что в корпусе сочинений Цицерона образование рассматривается как особый защищающий государство и самого человека институт. Выдвигая и обосновывая эту оригинальную мысль, Цицерон проблематизирует и систематизирует наработки, которые существовали у древнегреческих мыслителей и его современников, фактически формируя ту область, которую мы сейчас можем назвать экофилософией образования.

Экофилософские представления об образовании в трудах Цицерона (и особенно в поздних его работах) все чаще приобретает форму наставлений — универсальных диспозиций, опора на которые, по его мнению, позволит римскому народу выполнять свою великую цивилизационную миссию. Границы Рима у Цицерона расширены до границ мира, а римская философия рассматривается как позволяющая решать проблемы, мешающие гармонии человека с миром и самим собой. «Эта идея ... придает его сочинениям действительно космополитический и вместе с тем неподдельно патриотический, римский характер... делает их открытыми, как мир, и все-таки определенными в своих границах, как Рим»². Римское государство — та самая *res publica* («общее дело») — видится ему как «всемирная общность образованных людей», за границами которой, безусловно, есть мудрецы и философы, но они не являются «часть единой интеллектуальной общности»³.

¹ Цицерон. Тускуланские беседы // Цицерон. Избранные сочинения. — М.: Худ. лит., 1975. — С. 374.

² Майоров Г.Г. Цицерон как философ // Цицерон. Философские трактаты / пер. с лат. — М. И. Рижского. М.: Наука, 1985. — С. 16.

³ Oniga R. L'idea latina di HUMANITAS // http://www.tulliana.eu/documenti/1_Oniga_Humanitas_propedeutique.pdf

Эта «интеллектуальная общность» нравилась Цицерону всем, кроме того, что она выбрала языком философии греческий¹: «Римляне, даже в его возрасте (возрасте Цицерона — прим. Е.К.) предпочитали греческий язык латыни просто потому, что это был укоренившийся язык интеллектуальной культуры в их стране»². Цицерон хочет научить философию говорить на латинском языке, подразумевая, что должна быть создана новая «интеллектуальная общность» римлян, которых объединяет культура и которые строят будущее, восхищаясь, но, все же, постепенно отдаляясь от греческого языка и стиля философствования. Такая позиция позволяет говорить о Цицероне не столько как о представителе, сколько как о потребителе философии³, который обеспокоен судьбами современного ему римского образования, его ролью в сохранении связей человека с природой, космосом и культурой. Во многих сочинениях, письмах и речах Цицерон рассуждает о философии образования именно в экофилософском ключе, подкрепляя свою аргументацию многочисленными описаниями природных и космических, которые сопоставляются им с явлениями человеческими, иногда с оттенком «лингвистического национализма» (термин Т. Murphy).

Утверждение о философии из «О законах» является не только наглядным подтверждением этому, но и как нельзя лучше выражает педагогическое кредо Цицерона: «... коль скоро «закон» должен исправлять пороки, а в доблестях наставлять, то из него и следует выводить правила жизни. Таким образом, матерью всех благ становится мудрость, от любви к которой и произошло греческое слово «философия» [любомудрие], а философия — самый благодетельный, самый щедрый, самый лучший дар бессмертных богов, принесенный ими человеку. Ведь это она одна научила нас как всем другим делам, так и самому трудному — познать самих себя; смысл и значение этого наставления так велики, что его считали изречением не человека, а дельфийского бога» (Cic. Leg. XXII.58)⁴. В приведенном фрагменте Цицерон поясняет, откуда к нему приходит понимание философии как экофилософии образования и каким образом он

¹ До Цицерона, в его время и после его смерти языком философии в Италии безоговорочно был именно греческий.

² Murphy T. Cicero's First Readers: Epistolary Evidence for the Dissemination of His Works // *The Classical Quarterly*, 1998. — Vol. 48. — No. 2. — P. 494.

³ Erskine A. Cicero and the shaping of Hellenistic philosophy // *Hermathena*, 2003. — No. 175. — P. 11.

⁴ Цицерон. О законах / пер. В.О. Горенштейна // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. — М.: Наука, 1966. — С. 89.

мыслит дальше конкретизировать это понимание. Пошаговый возврат к исходным посылам древнегреческих авторов (и в особенности сократическому послылу познать самих себя через образование), важен для Цицерона с точки зрения правильности вывода «правил жизни». Ему кажется, что римляне вполне способны строить жизнь как познание самих себя, поскольку с давних времен заимствованное у греков «умели улучшать и совершенствовать, если они находили это достойным своих стараний» (Cic. Tusc. I.1)¹.

В «Об обязанностях» Цицерон, в очередной ссылаясь на тексты древнегреческих мыслителей, обозначает для современников оптимальную образовательную стратегию, которая требует, чтобы подобные ему философы-наставники делились с гражданами мудростью и жизненным опытом. В одном из писем к другу Аттику Цицерон так пишет об этом своем сочинении, которое было адресовано сыну — Цицерону-младшему: «Я здесь философствую (в самом деле, что другое?), великолепно заканчиваю сочинение о должном [«Об Обязанностях»] и посвящаю его Цицерону. Ведь о чем другом отец напишет сыну? Затем другое. Что еще нужно?» (Cic. Att. XV. 13. 6)². Образы древнегреческого и древнеримского образования, созданные Цицероном, не исторические, а, скорее, идеологические образы. В них воплотились мечты и чаяния Цицерона, глубоко переживающего за судьбу государства и своих близких. Поддержание родственных и дружеских связей, по мнению Цицерона, является первичной обязанностью человека, а вторичной — постижение природы этих связей. Цицерону-философу семья и дружба интересны с точки зрения возникающих и объединяющих людей интеллектуальных связей. Родственники и друзья постоянно связаны с государством, т.е. тем самым «физическим Римом»³, который так интересует философа.

Выходец из маленького городка Арпина, он сумел достичь в Риме головокружительных карьерных высот благодаря постоянному стремлению к новым знаниям, общению с древнегреческими наставниками и формированию вокруг себя круга друзей-единомышленников. Многочисленные источники о жизненном и творческом пути Цицерона подтверждают то, что образование для него всегда было чем-то

¹ Цицерон. Тускуланские беседы / пер. М. Гаспарова // Цицерон. Избранные сочинения. — М.: Худ. лит., 1975. — С. 207.

² Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.-Л.: АН СССР, 1951. Т. III. (годы 46–43) — С. 338.

³ Treggiari S. Home and Forum: Cicero between «Public» and «Private» Source: Transactions of the American Philological Association, 1998. — Vol. 128. — P. 8.

большим, чем просто «социальным лифтом». Это была особая форма проявления заботы о себе, своих близких и отечестве, которая у Цицерона описана как *необходимость, потребность и обязанность*¹.

Образование как необходимость. В философском трактате «О природе богов» Цицерон предлагает образовательную программу проэкологического содержания, интегрированную в наставления. Он рассуждает о гармонии, царящей на земле и на небе, а также о том, что человеку стоит поучиться у природы столь разумному устройству жизни. «Пусть же нам будет позволено, оставив философские тонкости, как бы глазами своими обозреть красоту всего того, что, как мы утверждаем, установлено божественным провидением. Рассмотрим сначала всю Землю как целое...» (Cic. Nat. Deor. II. XXXVIII)². Подробно описывая организацию жизни некоторых животных и птиц, красоту морей, движение небесных светил и расположение созвездий, Цицерон дает всем желающим уроки по географии, астрономии, экологии и даже геометрии. Предлагая читателю понаблюдать за движением Луны и Солнца, Цицерон сообщает, что такое созерцание непременно напомним ему, что точно такую же правильную неслучайность он видел в гимнасии или на форуме. Там также царит разумность, у которой есть причина (Cic. Nat. Deor. II. V). Однако порядок и покой — это лишь одна из сторон. Второй стороной является хаос и движение, без которых мир не был бы миром. Разумность видится ему и в той поразительной скорости, с которой мир вращается вокруг небесной оси, меняя времена года и заботясь о необходимых переменах (Cic. Nat. Deor. II. XX). Цицерону кажется, что все это «достойно восхищения» потому, что мир природы устойчив и приспособлен к «к сохранению своего существования» (Cic.

¹ См.: Козловцева Е.А. Современный дискурс образовательной непрерывности: опыт межкультурного диалога с Античностью // *Материалы международной научной конференции «Межкультурные коммуникации в меняющемся мире»* (14 апреля 2015 г., РЭУ им. Г.В. Плеханова, Российское философское общество) / под ред. Э.В. Барковой. — М.: Изд-во РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2015. — С. 18–22; Козловцева Е.А., Пичугина В.К. Экофилософия образования Марка Туллия Цицерона // *Эволюция педагогической теории и практики в истории человеческого общества: монография*. — М.: АСОУ, 2016. — С. 77–83; Козловцева Е.А. Экофилософский подход к образованию в сочинениях Цицерона // *Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: историко-педагогический контекст теории и практики современного образования: материалы двенадцатой международной научной конференции, Москва, 17 ноября 2016 г.* — М.: АСОУ, 2016. — С. 116–119.

² Цицерон. О природе богов // Цицерон. Философские трактаты / пер. с лат. М. И. Рижского. — М.: Наука, 1985. — С. 133.

Nat. Deor. II.XLV)¹, чего не всегда можно сказать о мире человека. Рассуждая о том, что его разумность не такая несомненная, но тоже достижимая, Цицерон несколько раз обращается к одной и той же мысли: не получивший должного образования не может увидеть всей красоты природы и космоса. Цицерон рисует очень гармоничную картину мира и последовательно доказывает, что «в природе нет ничего пустого, заброшенного, напрасного, в ней правит не слепой случай, а закон, и этот закон сродни человеческому разуму»². В этом трактате философ-наставник Цицерон обозначает те скрепы мироздания, на которые указывает современная экофилософия, выступая за «восстановление статуса нормативности и истинных фундаментальных связей Человека, Культуры, Природы и Вселенной»³.

В трактате «О пределах блага и зла» Цицерон продолжает развивать мысль о необходимости сопряжения природы, образования и культуры. Культура, как и природа, не может быть принята полностью ввиду своей широты, а только в рамках определенного «среза», максимально значимого для конкретного человека. В логике Сократа, Цицерон утверждал, что наметить такие «срезы» человеку помогал наставник. Однако подчеркивал, что не все наставники в состоянии помочь ученику обрести себя в культуре. Выбор наставника — это важнейший выбор в жизни любого человека. «Те, кто благодаря природе и образованию далеко продвинулись на пути к добродетели, однако же еще не достигли ее, — глубоко несчастны» (Cic. De f. 4.IX.21)⁴. По Цицерону, не следует терпеть рядом с собой человека, который называет себя наставником только потому, что дает новые значения известным понятиям, которые в целом понимает также как и другие наставники. Человек приобщается к культуре в течение всей жизни, следовательно, у него может быть как несколько наставников на разных этапах жизни, так и не быть их вообще. Для Цицерона письменные наставления, зафиксированные в трудах многих античных философов, ничем не уступают устным наставлениям, которые ученик получает в ходе непосредственного общения с наставником⁵.

¹ Там же. С. 139.

² Майоров Г.Г. Цицерон как философ // Цицерон. Философские трактаты / пер. с лат. М. И. Рижского. — М.: Наука, 1985. — С. 28.

³ Баркова Э.В. Возрождение-XXI: экофилософские основания ценности семейной культуры // Грани познания, 2014. — № 7(34). — С. 13.

⁴ Цицерон. О пределах блага и зла // Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков / пер. Н.А. Федорова. — М.: РГГУ, 2000. — С. 170.

⁵ Здесь Цицерон развивал идею, которая более ярко проявляется «Тускуланских беседах», где он подчеркивает природно-культурную сторону образования и утверждает, что «семена добродетелей» есть в каждом чело-

Цицерон рассуждает о том, что «все суждения о том, как правильно жить и верно себя вести», заключенные в философии, так или иначе связаны с тем «к чему стремится природа как к высшему из благ, и чего избегает» (Cic. De f. I.IV. 11)¹. Цицерон снова предлагает найти гармонию между порядком-покоем и хаосом-движением через образование. В отличие от Сократа, который в свое время предлагал всем желающим осуществлять образовательную заботу о себе и настаивал на постоянном движении к новым образовательным вершинам, Цицерон видит образование как благо иного рода. Он пишет следующее: «...мы сами заботимся о себе, и первое данное нам природою побуждение состоит в самосохранении. <...> Далее нужно понять, кто же мы сами, чтобы сохранить нас такими, какими мы должны быть. Итак, мы люди; состоим из души и тела ... и мы должны ... построить на этом основании тот самый предел высшего или крайнего блага...» (Cic. De f. I.IV. 25)². Сократ видит движущей силой неуспокоенность образовательным результатом, а Цицерон — некое успокоение, данное благодаря образованию как высшему благу. В этом трактате Цицерон четко обозначает то, что понимает под этим благом — жить, следуя человеческой природе, ставить и достигать образовательные цели. Само выражение «*natura hominum*» («человеческая природа») появляется у Цицерона тридцать раз³.

Задаваясь излюбленным для греческих философов и наставников вопросом о том, что есть добродетель, Цицерон связывает ее с необходимостью реализовывать свои образовательные возможности согласно природным задаткам: «Ведь вся заслуга доблести состоит в деятельности; но последнюю часто прерывают, и многим людям дается возможность вернуться к изучению; вот тогда умственная деятельность, никогда не знающая покоя, может сохранить нас верными занятиям по познанию даже и без усилий с нашей стороны» (Cic. Off. I.VI.15)⁴. Добродетель для Цицерона — это одновременно действие и потенция к действию; совокупность диспозиций, которые систематически и непрерывно экспонируются

веке, но развиваются только в том, кому «надобны и разум и учение» (Cic. Tusc. II.I.2).

¹ Цицерон. О пределах блага и зла // Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков / пер. Н.А. Федорова. — М.: РГГУ, 2000. — С. 46.

² Там же. С. 171.

³ Oniga R. L'idea latina di HUMANITAS // http://www.tulliana.eu/documenti/1_Oniga_Humanitas_propedeutique.pdf

⁴ Цицерон. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М.: Наука, 1974. — С. 63.

в разных жизненных ситуациях и опираются на знание философии, истории, юриспруденции, литературы и риторики¹. Очертив этот набор предметов для изучения, приступает к философскому исследованию истории греческого образования, стараясь найти примеры тех, кто учил и учился именно по такому «учебному плану». В частности, Цицерон вспоминает о Сократе и выстраивает очень противоречивую гипотезу и о путях и способах приобщения человека к знанию. Он утверждает, что природа, содержащая в себе так много искусств и наук, не может быть смертна. Она обретает свою бессмертность в человеке, природа которого постоянно подталкивает его к поиску новых знаний: «...люди многое знают еще до своего рождения, служит то, что они, еще в отрочестве своем, при изучении трудных наук, схватывают бесчисленные предметы так быстро, что кажется, будто они тогда не познают их впервые, а вспоминают и восстанавливают их в своем уме» (Cic.Sen. I.XXI.77)². Это «вспоминание» и «восстановление» возможно только при наличии мудрого наставника, например такого, каков был Анаксагор для Перикла. Цицерон подчеркивает, что Перикл был первым, кому удалось достичь многого благодаря привычке заниматься умственными упражнениями.

Образование как потребность. В диалоге «Тускуланские беседы», который представляет собой «очерк по истории римского образования»³, Цицерон подчеркивает, что Рим всегда был силен в сфере права, нравственности и военном деле. Но приоритет Греции в вопросах образования и литературы неоспорим: «Поистине, во всем, что дается людям от природы, а не от науки, с нами не идут в сравнение ни греки и никакой другой народ: была ли в ком такая величавость, такая твердость, высококость духа, благородство, честь, такая доблесть во всем, какая была у наших предков?» (Cic. Tusc. I.2)⁴. После ретроспектив такого рода Цицерон переходит к перспективам и снова начинает говорить о образовании как о связующей нити между человеком, природой, космосом и культурой. Цицерон снова

¹ Wellman R.R. Cicero: Education for Humanitas // Cicero: Harvard Educational Review, 1965. — Vol. 35. — No. 3. — P. 356.

² Цицерон. О старости // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М.: Наука, 1974. — С. 28.

³ Батлук О.В. Философия образования в Древнем Риме: дисс. ... канд. филос. наук. — М., 2001. — С. 44.

⁴ Цицерон. Тускуланские беседы / Цицерон // Цицерон Марк Туллий. Избранные сочинения / пер. с лат., М. Гаспарова, С.Ошерова и В. Смирнина. — М.: Худож.лит., 1975. — С. 208.

возлагает на философию образовательные задачи и начинает рисовать будущее римского образования, сопрягая греческое и римское. Философско-педагогический синтез по определению такого рода не мог быть простым. Перед Цицероном и его современниками, многие из которых, как и сам оратор, получили греческое образование, был пример исключительной прагматичности по отношению к греческому образованию, подрывающий все его экофилософские основания. Древнеримский диктатор Сулла в 86 г. при осаде Афин приказал вырубить рощи Академии, где располагалась школа Платона, чтобы получить древесину для строительства осадных машин (App. BC. XII.30)¹. Как сообщает Плутарх, через пять лет после этого события Цицерон вступил в конфронтацию с приближенными Суллы и был вынужден уехать из Рима. Путешествуя по Азии и Родосу, Цицерону удалось послушать многих древнегреческих ораторов и философов (Plut.Cic.4). Впечатление от греческих школ и наставников было настолько сильным, что Цицерон даже мечтал оставить политику, переселиться в Афины и полностью посвятить себя наукам. В трактате «Оратор» он отдает дань вынужденному удалению в греческие «лекционные залы», одним из которых была та самая роща Академа: «...и все же я заявляю, что меня сделали оратором — если я действительно оратор, хотя бы в малой степени, — не риторские школы, но просторы Академии»². Отстаивая «непопулярную» идею о необходимости учиться «у тех греков»³, Цицерон искал точки соприкосновения греческого и римского образования. Те самые философы-наставники греки, которые изучали, заданные природой «небесные пределы» виделись ему помощниками римлян, которые задали всему миру свои собственные культурные пределы. Обосновывая селективную функцию образования, Цицерон представляет его в качестве упорядочивающего и системообразующего начала в пространстве культуры — начало, которое «скроено» по лекалам природы, единым для греков и римлян.

Вопрос роли образования в жизни человека Цицерон решал, соотнося категории «целесообразное» и «полезное» как на уровне государства, так и на уровне конкретного человека. На фоне напряженной политической обстановки Цицерон утверждает, что

¹ Аппиан Александрийский. Римская история / пер. С. П. Кондратьева (кн. I–XII). — М.: Наука, 1998. — С. 257.

² Цицерон. Оратор // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. — М.: Наука, 1972. — С. 333.

³ Nicgorski W.J. Cicero on Education: The Humanizing Arts // Arts of liberty, 2013. — No. 1. — P. 2.

«государственное устройство в течение более или менее долгого времени никогда не сохраняется в одном и том же положении» (Cic. R.p. I.XLIV. 68). Результатом изменений может быть упадок или возрождение, однако государство можно назвать «живым» только тогда, когда старое меняется новым и эти изменения можно назвать целесообразными и полезными. Нечто подобное происходит и с человеком, который ощущает жизнь только тогда, когда меняется. В самой самости человека заботиться о ресурсах и власти и считать полезным безопасность, жилье, продукты питания, оружие и т.д.¹ Природа человека, подкрепленная природой общества и права, позволяет ему видеть в полезном целесообразное и наоборот. Однако это умение не дается человеку с рождения, оно приобретается с годами благодаря образованию. Целесообразная полезность образования заключалась для Цицерона в возможности устанавливать разумный баланс между «я» и «другим» и осуществлять заботы разного уровня: о сохранении доброго имени, достоинства, дружбы, согласия, состояния, своей страны и т.д. Образование виделось ему оберегающим и защищающим человека институтом, создающим все условия для его саморазвития, самопознания, самосовершенствования и, в особенности, к самосохранения.

Образование как обязанность. Сопоставляя целесообразное и полезное, Цицерон старается задать некий образовательный стандарт, который бы опирался на римские «законы истории, обычаи и политические институты»². Истоки экофилософии образования, прослеживаемые у Цицерона, позволяют соотнести макрокосмос человека, безграничная природа которого конгруэнтна божественной (*divinum*) сущности, с целостностью, макромира космо-био-социо- и культуросферы. Цицерон не имел статуса наставника в классическом понимании этого слова, но, тем не менее, ему удалось обозначить ориентиры, позволяющие согражданам выстраивать образовательные стратегии и выступать в роли познающих себя-природу-космос субъектов. В трактатах «О пределах блага и зла» и «О природе богов», а также диалоге «Тускуланские беседы», у Цицерона присутствует метафора муравья, за которой стоит прообраз экофилософской идеи о неделимости природного, космического и человеческого. Пытаясь найти точки соприкосновения природы человека и природы права, он указывает соотечественникам, что

¹ Nicgorski W. Cicero's Paradoxes and His Idea of Utility // Political Theory, 1984. — Vol. 12. — No. 4. — P. 563.

² Ibid. P. 567.

умение жить в городе «по праву и закону», человек приобретает благодаря природе и образованию, и это умение есть его особая забота о себе. При этом город для него выступает тем же, чем и полис для всех греческих философов — микрокосмом, уменьшенной моделью мирового порядка. В «О природе богов» Цицерон характеризует педагогический потенциал города следующим образом: «Нет ничего лучше в природе, чем мир, говоришь ты, а на земле, скажу я, нет лучше города, чем наш. Так что же, ты считаешь, что городу присущи поэтому разум, мышление, ум? Или, так как не присущи, неужели ты считаешь, что по этой причине можно предпочесть этому прекраснейшему городу муравья, поскольку городу не присуще никакое чувство, а муравей обладает не только чувством, но также умом, рассудком, памятью?» (Cic. Nat. Deor. III. IX)¹. «Предпочтение» городу муравья, на первый взгляд, выглядит достаточно странно. Однако именно сравнение города с муравейником впоследствии предопределяет педагогическую оппозицию города и заботящегося о своем образовании человека Я.А. Коменского и Ж.-Ж. Руссо.

Для Цицерона, жившего в Риме, являвшем собой центр республики, идущие к норме грамотности и культурности граждане никак не могли себе позволить «не скупиваться». В сочинении «О государстве» он называет природным законом то, что люди не склонны к обособленному существованию и уединению (Cic. Rep. I. XXV. 39). Ему кажется, что гражданские общины «появляются раньше, чем города»² и лишь потом города образуют государство (Cic. Sest. 91), которое защищающее своих граждан от насилия, и образование, которое отдаляет от преступного поведения. В «Тускуланских беседах» Цицерон упоминает о муравьях как живых существах, которые много делают для других, и снова дает аналогию на гражданина: «Люди же намного теснее связаны между собой. Следовательно, мы от природы способны к объединению, собраниям, к жизни в государстве» (Cic. Tusc. XIX. 63)³. Как и все римляне того времени, Цицерон не только декларировал, но и проводит в жизнь «идею верховенства права

¹ Цицерон. О природе богов // Цицерон. Философские трактаты / пер. с лат. М.И. Рижского. — М.: Наука, 1985. — С. 163.

² Федоров Д.А. Контroversия «натурализм» vs. «конвенционализм» в концепциях Лукреция и Цицерона о возникновении цивилизации, культуры и языка // Ярославский педагогический вестник, 2015. — № 3. — С. 394.

³ Цицерон. Тускуланские беседы / Цицерон // Цицерон Марк Туллий. Избранные сочинения / пер. с лат., М. Гаспарова, С. Ошерова и В. Смирнина. М.: Худож. лит., 1975. — С. 154.

природы над гражданским правом»¹. Метафора муравья в том виде, в каком она могла бы показаться Цицерону уместной при рассуждении об образовательной миссии философии, появляется у древнегреческого писателя-сатирика II в. н.э. Лукиана Самосатского: «Я думаю, тебе не раз приходилось видеть собрание муравьев: одни решают государственные дела у входа в нору, другие выходят из муравейника или возвращаются в свой город... Есть у них, по-видимому, в соответствии с их у муравьиной жизнью и строители, и народные вожди; есть пританы, музыканты и философы. Так вот, города, населенные людьми, показались мне более всего похожими на муравейники»².

Образование виделось Цицерону обязанностью, вмененной каждому гражданину-муравью, и требующей большой самоотдачи. В «Об обязанностях», адресованному сыну, проходящему обучение у греческих наставников, Цицерон пишет: «Ведь ни одна сторона нашей жизни — ни дела государственные, ни частные, ни судебные, ни домашние, ни случай, когда ты ставишь вопрос перед самим собой, ни случай, когда ты заключаешь соглашение с ближним, — не может быть свободна от обязанности» (Cic. Off. I.1.4.)³. Обращаясь к сыну, Цицерон дает понять соотечественникам, что им необходимо переосмыслить миссию образования и понять, что оно необходимо для «жизни», а не для особых моментов в жизни. На современном этапе мы говорим о том, что Цицерон стремился обосновать селективную функцию образования, представляющую его в качестве упорядочивающего и системообразующего начала в пространстве культуры. Его утверждение об этом звучит следующим образом: «...ведь первая основа — та, которая усматривается в общности всего рода людского. Связью этой общности служат разум и дар речи, которые посредством наставления, изучения, взаимного общения, обсуждения и принятия решений сближают и объединяют людей, так сказать, в естественное общество» (Cic. Off. I.XVI.50)⁴. На современном этапе образование в экофилософской парадигме — это именно коллективная экофилософская интерпретация культуры, культуротворчество и культуросоцидение, на что и указывает Цицерон.

¹ Кофанов Л.Л. Право природы в концепции римских юристов и Цицерона // Древнее право, 2009. — Т. 23, № 2. — С. 6.

² Лукиан Самосатский. Икарומенишп, или Заоблачный полет // http://krotov.info/acts/02/03/lukian_29.htm (дата обращения 9.01.2016)

³ Цицерон. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М.: Наука, 1974. — С. 59.

⁴ Там же. С. 71.

Несмотря на то, что Цицерон наметил ключевые проблемы современного ему образования, история образования совершенно не рассматривалась им как история проблем, которые ставились его предшественниками и решались с большим или меньшим успехом. Оттолкнувшись от этой мысли, современным исследователям парадоксальным образом оказывается сложно признать заинтересованность Цицерона в решениях *значимых для него самого* проблем (курсив наш — Е.К.). Цицерон ориентировался, в первую очередь, на нужды своей собственной философско-педагогической концепции и именно для нее интерпретировал терминологические конструкты, которые мы сейчас с таким рвением интерпретируем. Следует признать, что он отнюдь не беспристрастно рассуждал о значимых идеях своих предшественников и отнюдь небесспорно обозначал таковые идеи для своих последователей. Проблемное видение наследия Цицерона призвано предостеречь от интерпретации его текстов исключительно как удобного материала для обоснования решений тех или иных современных проблем. Принципиально важно увидеть проблему в его учении и текстах, которые возникли и существовали внутри конкретно-исторического проблемного поля. Последнее позволяет конкретизировать формулировку и содержание проблемы¹, которая ставилась Цицероном, когда он представлял свой опыт экофилософского прочтения современного ему образования.

Понятый именно таким образом проблемный подход к истории философии, истории образования и истории философии образования не является новым. Его современная актуализация во многом обусловлена тем, что исследования, которые имеют дело с античными текстами, безусловно изучают через них эпоху, но при этом обращаются к интерпретациям и создают их сами, несколько отодвигая эпоху от порожденных ею текстов. Даже если эти интерпретации не искажены, вероятность того, «что мы установим сегодня, какой была позиция древнего философа *на самом деле*, крайне ничтожна», поскольку любая «идеологическая или догматическая подоплека интерпретации делает ее нулевой» (курсив автора)². Видимость цели и конечной идеи, ради которой пишется тот или иной современный текст и к которой, по мнению его автора, стремится большинство возможных интерпретаций, если и не нарушает, то точно

¹ Вольф М.Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. — С. 41.

² Там же. С. 34.

отодвигает хронологию на второй план. Цицерону в этом смысле не очень повезло: он всегда находился в центре исследовательского интереса, но это не уберегло его от того, что интересующие его проблемы часто оказывались осовремененными, а интерпретации искаженными. С сожалением приходится констатировать, что число исследований, в которых Цицерон выпадает из проблемного поля, в котором он находился и творил, с существенной потерей содержательности, с каждым годом продолжает расти. Экофилософия образования Марка Туллия Цицерона является областью, которая достаточно долго находилась вне исследовательского внимания. Ей еще только предстоит в полную силу столкнуться с проблемами интерпретаций и пройти долгий и сложный путь непростых интерпретаций проблем. Проблемный подход, рассмотренный как историко-педагогический инструментарий, на наш взгляд, обладает достаточным потенциалом, чтобы это столкновение и этот путь не привели исследователей в тупик.

Наследие Цицерона представляет собой опыт экофилософского «прочтения» современного ему образования, которое рассматривается им одновременно как необходимость, потребность и обязанность по бережному построению себя через других. Образованным человеком, согласно Цицерону, можно считать того, кто добродетелен не только благодаря действию, но и благодаря потенции к действию; кто благодаря знаниям видит всю совокупность добродетельных диспозиций, которые систематически и непрерывно экспонируются в разных жизненных ситуациях. Корпус текстов Цицерона наглядно иллюстрирует то, что он был оригинальным мыслителем-исследователем, который успешно и хронологически правильно двигался по текстам разных авторов, пытаясь проследить эволюцию связанных с образованием формулировок, значимых для решения поставленной им проблемы. Он вполне четко осознавал, что различия в древнегреческих и древнеримских терминах, не означают отсутствия точек соприкосновения. Напоминая римлянам об их славном прошлом, Цицерон хочет подчеркнуть, что деятельный и добродетельный римлянин — это одновременно цель и проблема «жизненного образования», роль которого должна быть пересмотрена современниками на благо потомкам.